

«МНЕ ВСЕГДА БОЛЬШЕ ВСЕХ БЫЛО НАДО...»

Из воспоминаний Ивана Семеновича Апанасенко

С 1914-го по 1924-й годы, то есть начиная со дня рождения и до десятилетнего возраста, я жил в своем родном хуторе. Хутор мой – это что-то вроде аула под горой. Теперь это Кубань, а тогда был Северо-Кавказский край. Домишек стояло меньше сотни – мазанки, деревянные хаты, обмазанные изнутри и снаружи глиной и побеленные известью. Известь делали собственноручно: собирали известняк в реке и гасили. Известь была хорошая, во всяком случае, клопы там не водились, не терпели. В этом хуторе я и жил.

Конечно, полноценной школы там не было. Была школа-трехлетка. Раньше так и полагалось: на хуторе, в основном, жили люди 3-го сословия. А третьему сословию больше трех классов и не надо – для того, чтобы пахать, свиней и коров разводить... Вот эту школу я и окончил в 1924 году.

Родители, не желая, чтобы я остался, по их словам, быкам хвосты крутить, сказали: «Учись, Ванька, учись». И отвезли меня в соседнюю Апшеронскую станицу, что за 9 километров от дома. Там была ШКМ – школа крестьянской молодежи. Я начал учиться. Сначала меня поселили к крестной матери, где я прожил два года. А потом отец сказал: «Нечего тебе баклуши бить, давай живи у столяра и учись столярному делу». Я был любопытный и с удовольствием согласился. И за следующие два года освоил столярное дело и окончил школу. Чтобы учиться дальше, надо было иметь двухлетний производственный стаж. И мне посоветовали отправиться в Нефтегорск. При царском режиме это была английская нефтяная концессия, а потом, уже при советской власти, мы стали там добывать нефть для себя. Там располагалась школа ФЗУ – фабрично-заводское училище. Учили на бурильщиков – мастеров, которые могли управлять бурильной установкой. Учеба моя в ФЗУ шла неплохо, хотя время было тяжелое. Питались мы так себе. А ведь кроме учебы была еще практика на буровых вышках. Работали в 3 смены, правда, два дня в неделю. В бригаде было 5–6 человек.

Во время учебы у меня даже костюма не было. Было отцовское пальто с каракулевым воротником, фуражка, рубашка, штаны и все. Помню, надо было фотографироваться группой, у всех ребят пиджаки, костюмы, а у меня нет. Я решил сняться в пальто: мол, не какой-нибудь голодранец, а в пальто, да еще с каракулевым воротником. А было тепло. Как меня ни отговаривали, но я так и снялся. Фотограф как-то заретушировал, чтобы не бросалось в глаза. Вот такая деталь.

Но в целом нормальная была жизнь, пока однажды не произошел там со мной инцидент. Это были уже последние дни учебы. Я был

членом редакционной коллегии стенной газеты и попросил одного преподавателя написать статью о том, что ребята недовольны плохим питанием. Он написал. Уже не помню всего содержания, но в статье была такая фраза: «Ребята, потерпите, сейчас государство пока не в состоянии кормить вас куропатками, но со временем...»

Вот за эту фразу и уцепился один парнишка по фамилии Сухоручкин, который хотел двигаться по партийной линии. Он взял и «стукнул» в горком комсомола: такая-то статья, слабость государства... Этого учителя вызвали – и он исчез. Потом вызвали меня. Я говорю: «Что вы! Там ничего нет, статья как статья». Меня отпустили. Но горком передал, очевидно, в райком, оттуда позвонили нашему директору. Он вызвал меня. А я ему, видимо, нравился, у него сынишка был вроде меня, такой же белобрысый. Он ничего мне не сказал, просто выдал мне удостоверение, что я окончил ФЗУ такого-то числа, обучался с 1931 по 1933 год, мне присвоено звание бурильщика 1-го разряда, подпись, печать. Вручил мне и говорит: «Ты, Ванюшка, посылай документы в институт, а сейчас у тебя срочное задание – езжай в Тверскую. Там надо помогать обрабатывать посевы».

Тверская была довольно зажиточной станицей. Но дело в том, что в эти годы как раз всех ловили: то троцкистов, то зиновьевцев, то просто вредителей. Шла коллективизация, раскулачили поголовно всю станицу, и те, кто там остался, не в состоянии были обработать посевы.

Я сразу послал документы в Новочеркасский авиационный институт и отправился в Тверскую. А пока был там, к отцу зашел мой дружок Костя. Он узнал, что меня райком ищет. Поэтому зашел предупредить отца, что, мол, такое дело. Отец мне присылает в Тверскую вызов: «Ваня, немедленно домой!» А от Тверской до дома шесть километров, через гору переходишь – и дома. Я в тот же день под вечер махнул домой. Отец меня встретил и говорит: «Тебя ищет Ревазов – секретарь райкома. Тебе пришел вызов из Новочеркасска – езжай. Адрес никому не оставляй, чтобы даже я не знал». И я уехал.

Но спасло меня не это. Одно время у местных немцев была организация по типу нашего комсомола. И в школу к нам приезжал один такой шефсбундовец. И так получилось, что через какое-то время Ревазов был арестован за связь с этим немцем. И слежка за мной прекратилась. К тому моменту Костя успел мне прислать учетную карточку комсомольца. Правда, печать пришлось подделать. Костя работал в табак-совхозе, а у них печать – с изображением табачного листа, на котором жилки вроде лучей солнца. В общем, похожа на райкомовскую.

Меня поставили на учет, и жизнь у меня пошла своим чередом.

В Новочеркасске я стал готовиться к сдаче экзаменов в институт. И вдруг обнаружилось, что я тригонометрию вообще не представляю.

Помог мне ее освоить мой дружок Ваня Гункин. Он тоже сдавал экзамены. Непростая судьба у этого Вани была: его отца расстреляли прямо у него на глазах. Причем расстреляли красные, по ошибке. И это его травмировало на всю жизнь.

В общем, математику я сдал. Зато завалил химию. Этот Ваня Гункин переполошился и опять меня выручил: пошел к преподавателю и сказал: «Вы не должны были у него принимать экзамен, ведь он в этот день три экзамена сдал. Что же вы, специально хотели завалить?» Тот подумал и говорит: «Ладно, пусть приходит, пересдает». И на другой день принял экзамен. И все у меня уладилось.

Еще будучи в Апшеронской станице, начал заниматься спортом. Круглый год каждый день ходил на речку окунаться. И когда поступил в Новочеркасский институт, сразу выбрал себе лыжную секцию. Она меня привлекала не только тем, что я любил это дело, а еще и потому, что лыжникам полагалось обмундирование: одежда, ботинки, лыжи и палки.

Я занимался спортом еще и потому, чтобы поменьше заниматься общественной работой. Время тяжелое. В Новочеркасске много институтов, и во всех разоблачали троцкистов, зиновьевцев, вредителей-промышленников. Исчезали преподаватели, студенты, на химическом факультете кто-то повесился... А я был занят спортом, для меня главное – учеба, еще чего доброго исключат. И я не ходил на эти собрания.

Туго было и с продуктами. Вот, скажем, наступили зимние каникулы. Все разъехались по домам. А я и еще один дружок – ехать не на что было – остались. Ребята оставили нам хлебные карточки. Мы по ним закупали хлеб, сушили его на батарее, складывали в чемоданчик, и потом нас эти запасы поддерживали.

В 1935 году наш курс перевели в Харьков. В Новочеркасске авиационный факультет закрыли. Видимо, посчитали, что готовят недостаточно квалифицированные кадры.

В Харькове готовили самолетчиков и мотористов. Я пошел в мотористы. В институте был целый комплекс: общежитие, учебные заведения, спортивные залы, стадион, магазины. Авиационников учили серьезно – готовились к войне. Я по-прежнему серьезно занимался лыжами. И опять-таки неспроста – получил право на казенные лыжи, на казенный костюм, казенный велосипед. И в любое время мог ими пользоваться. А поскольку наша команда занимала неплохие места, нас поддерживали: перед соревнованиями – дополнительное бесплатное питание, летом – лагерь на Северном Донце, под Харьковом.

Институт закончил в 1939-м году, получил диплом с отличием. Началось распределение. Я на последней практике был в Запорожье и там понравился начальнику СКБ. Хорошо чертил, мышление пространственное. Начальник этот написал письмо в институт, чтобы меня направили в Запорожье. Там был завод по производству двигателей воздушного охлаждения французской фирмы «Фиат». Меня и направили

туда. А дружка моего распределили в Пермь. Я растерялся: не хотелось ехать в Пермь, но и друга терять не хотелось. Колебался, колебался, но все же решил попросить, чтобы мне сменили путевку. Когда сказал об этом в комиссии, гляжу – на меня как-то подозрительно смотрят: что он там хочет делать? Передрейфил я немножко, но пронесло. Вернул 100 рублей из выданных мне двухсот и поехал в Пермь.

С курса приехали сюда 17 человек – 2 девушки и 15 парней. Друга моего направили в ОКБ – опытно-конструкторское бюро, а меня в СКБ – серийно-конструкторское. Начали работать.

Но дело в том, что я любил везде совать свой нос. Вот и тут стал наводить порядки, давать советы. Например, написал министру, что нас недостаточно загружают. Идет война, а у меня есть возможность в рабочее время выполнить «шабашку» на такую-то сумму. Конечно, «шабашка» эта очень нужна для оборонного института, я не жалею, что ее сделал, но раз у меня есть на это время, значит, мы недостаточно загружены на работе. После этого меня быстренько повысили в должности – перевели в начальники ОТК, в сборочный цех № 90.

Раньше начальником ОТК был Левченко. Он чем прославился? Его в числе целой группы попытались обвинить во вредительстве – время такое. Так он на следствии разбил кулаком лицо следователю за то, что тот попытался ему что-то навязать. Его освободили, и он продолжал работать, но зуб-то, видимо, на него в верхах имели. И все-таки добились того, что его с завода убрали. А тут как раз я подвернулся. Он меня предупредил: «Будь осторожен. Малейшая ошибка твоя попадет в двигатель, этот двигатель установят на самолет, и тогда авария в воздухе неминуема – а это гибель самолета и гибель людей». Я контролеров, рядовых, мастеров – всех распределил по узлам, чтобы знать, кто пропустил дефект. Все, конечно, боялись, тщательно смотрели за производством. Начальники ОТК других цехов боялись, что их брак «засветит» начальник ОТК сборочного цеха, то есть я. И ко мне относились с уважением. Но я быстро сообразил – зачем мне «капать»? Когда попадался дефект, просто относил деталь начальнику цеха, и мне давали взамен новую, без дефектов. Но это нечасто происходило – все были осторожны, боялись...

Я по образованию – конструктор, административная работа мне не по душе. И в 1945 году меня перевели в опытно-конструкторское бюро. Здесь тоже был любопытный эпизод. Мне поручили доводить до ума систему воздушного охлаждения турбокомпрессора. На двигатель поставили дополнительный вентилятор. Это такие лопатки, которые гонят воздух. Я подумал и решил: неправильно запрессовывают. Надо свободно зафиксировать: видел чужие турбокомпрессоры, на которых эти лопатки свободно сидят. После того, как я сделал, собрали в цехе один вентилятор – все лопатки с максимальным размером. И их пришлось силой запрессовывать. Обод этот так напрягся, что дал трещину. При монтаже это не заметили, а при испытаниях

трещина увеличилась. И тут сразу ко мне явился представитель из КГБ. Меня защитил Щецов – начальник бюро. Так меня «пронесло» и в этот раз.

К тому времени я уже был партийный. Тогда ведь как? Хочешь быть руководителем, – вступай в партию. Я был членом парткома ОКБ и сталкивался с разными случаями. Скажем, разбирали такое дело: у одного рабочего, Николая, брат был на фронте и попал в плен. И к Николаю цепляются, начинают разбирать: кто ты такой, почему твой брат попал в плен? Я пытался за него вступаться, мол, он-то тут при чем? На меня тогда уже косо смотрели. Все боялись, как бы им не пришлось отвечать за то, что у них работает брат пленного.

Должен сказать, что хотя я не верил коммунистам, но верил в коммунизм. Тогда КГБ правил Берия, а у него была установка: КГБ не ошибается. Раз не ошибается, значит, любой арестованный – враг. Поэтому и признавались в том, чего не делали. Был у него и второй постулат: инициатива наказуема. То есть не высовывайся. Скажут тебе «делай» – делай, а со своими предложениями не лезь. Без тебя разберутся.

А я по-прежнему продолжал наводить порядки. Нет-нет да напишу. В конце концов, написал три таких письма, что подписывать их было совершенно неразумно, послал анонимно. Но конспиратор я был еще тот, поэтому, когда мое авторство раскрылось, я и не старался отнекиваться.

Я не мог молчать: мне не нравилось, что разоряли деревню, накладывали налоги на каждый корень яблони, на каждый куст винограда. Зачем вы советских солдат, убежавших из немецких лагерей, снова посылаете в лагеря? Вот об этом я и писал. «Какие вы коммунисты, если катаетесь как сыр в масле, а народ – так себе? Похоже, что вы идею коммунизма предали. И есть единственный путь спасения – перестрелять вас всех, от ЦК до райкомов». Вот за эту фразу мне и «влепили» срок.

Написал я письмо в надежде, что меня все-таки поймут. Отправил его в газету «Правда». Просил Сталину передать. Был убежден, что Сталин не знает всей правды, ЦК не знает. Считал, что Сталина одурачивают, что к нему надо как-то пробиться. Вот и пробивался.

Утром по дороге к проходной меня задержал оперуполномоченный. Говорит: «Пойдем в отдел кадров», затем предложил сесть в машину. Я ни о чем не догадался, думал, будут, наверное, предлагать работать председателем какого-нибудь колхоза. Тогда многих направляли. Ну, а когда привели... «Ваши письма?» – «Мои».

Так я попал в лагерь.

На суде свою роль сыграли мои трудовые награды и заслуги. В конце войны меня наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», за время работы выдали множество грамот. А вот какую характеристику мне дали от ОТК ОКБ:

«Апанасенко Иван Семенович, 1914 года рождения, украинец. Закончил в 1939 году Харьковский авиационный институт, после окончания института по 1945-й год работал на заводе имени Сталина. И с 1945-го по 1955-й год работал в ОКБ при заводе имени Сталина в должности ведущего конструктора и начальника конструкторской бригады. Занимаемым должностям Апанасенко Иван Семенович соответствовал, проявил в решении сложных технических вопросов должную энергию и инициативу. С 1946-го по 1955 год Апанасенко состоял членом КПСС. За это время показал себя перед парторганизацией политически грамотным и активным. Являлся агитатором, членом партбюро, избирался заместителем председателя участковой избирательной комиссии по выборам в местные Советы, заместителем председателя товарищеского суда ОКБ. В 1955 был избран членом партийного комитета предприятия. Враждебных выступлений или разговоров за Апанасенко не замечалось. Аморальных или каких-либо дурных поступков в быту за Апанасенко не замечалось. В 1949 году за участие в создании новой техники был награжден орденом «Знак Почета». Характеристика выдана по просьбе жены Апанасенко для предоставления в комиссию по пересмотру судебных дел заключенных в лагере».

А вот выдержки из моего приговора:

«Молотовский областной суд в составе председательствующего Хлопина, народных заседателей Лихачева, Соболева, при секретаре таком-то, с участием прокурора Куканова и адвоката Борисовой, рассмотрел в закрытом судебном заседании города Молотова 30 августа 1955 года дело по обвинению Апанасенко Ивана Семеновича, 1914 года рождения, из крестьян, село Ким Апшеронского района Краснодарского края, по национальности украинца, состоящего членом КПСС с 1946 года, исключенного в связи с настоящим делом, имеющего высшее образование: в 1939 году окончил Харьковский авиационный институт, с 1939 года работавшего по день ареста на заводе имени Сталина, до последнего времени руководителем бригады, женатого, имеющего двух детей, 13 и 11 лет, ранее не судимого, обвиняемого по статье 58, часть 1 (это политическое преступление). Писал письма антисоветского содержания в адрес редакции «Правды» и руководителям КПСС и Советского правительства (они что, боялись, что я их переагитирую?). В июле 1953 года, находясь в командировке в Черняховске (я тогда от одного из работников узнал, что скоро снимут Берию и, естественно, переполошился), написал одно из писем и направил из города Казани анонимное письмо контрреволюционного содержания с клеветой на политику партии, условия жизни трудящихся СССР и советскую печать в адрес одного из руководителей Советского правительства. Весной 1955 года написал еще одно письмо, где тоже клеветал.

Суд считает: контрреволюционные выступления со стороны Апанасенко доказаны (будто я был против революции!). Переходя к вынесению приговора, облсуд находит возможным учесть следующее: Апанасенко с 1939-го года работал на заводе безупречно, о чем подтверждает представленные суду для обозрения четыре почетные грамоты, которыми он был награжден в 1949–50-х годах, приказ по заводу 57867 от 16 февраля 1944 года, авторское удостоверение на техническое усовершенствование 1948 года, благодарность запасного авиационного полка».

Надо сказать, что в первые дни после ареста я был так ошарашен, убит, раздавлен, что находился на грани умопомешательства. Когда сидел в камере, пытался о батарею разбить голову. Не ожидал, что меня осудят. Думал – разберутся, когда узнают кто я. Не может же быть: столько мне доверяли – товарищеские суды, парткомы...

Однако понимал: что я буду спорить на суде? С кем? В общем полностью признал себя виновным, раскаялся. «Суд приговорил Апанасенко Ивана Семеновича признать виновным и подвергнуть его на основании ст. 58-10 прим. к лишению свободы сроком на 3 года с последующим поражением его в избирательных правах в силу статьи такой-то на 2 года (в сумме 5 лет получилось). Мера пресечения – содержание под стражей – оставить. Приговор можно обжаловать».

Но я обжаловать не стал и поехал по этапу. Конечно, страшно переживал: ведут под конвоем, везут через Свердловск с собаками, вместе с уголовниками. Ну, в общем, тяжелое время.

Привезли в лагерь в Мордовии – поселок Явас, почтовый ящик ЖХ-385/7. Там располагался деревообрабатывающий завод, где делали ящики для приемника, кажется, «Рекорд». По приезде прошел пункты обеззараживания. Там я встретил ребят, которые уже возвращались из лагеря. Они хорошо пели украинские песни – заслушаешься. Эти ребята мне посоветовали: «Иди сразу к Шарاپову, начальнику бригады». А когда я к начальству обратился, мне сказали, что ждали инженера, и такой специалист, как я, им требуется. Так я стал работать на заводе. Потом они мне дали характеристику:

«За время нахождения и работы на предприятии п/я ЖХ-385/7 Апанасенко Иван Семенович характеризуется с положительной стороны. Находясь на предприятии с сентября 1955 года, он работал инженером-конструктором, а затем старшим технологом деревообрабатывающего завода. Работая на заводе, являлся активным рационализатором и изобретателем. Было внедрено в производство 6 рацпредложений. К порученной работе относился честно и добросовестно. За хорошую работу имел ряд благодарностей от руководства предприятия. Дисциплинарных взысканий не имел. Поведение хорошее».

Завод был расположен не на территории зоны. Он был окружен, как и сама зона, и пропускали на него через проходную. Работали здесь и вольнонаемные, но немного – заключенных хватало.

Жили мы в помещении по типу казармы. Вплотную друг к другу стояли двухэтажные нары, мое место было на втором этаже. Была кирпичная печка, топили как следует. Завод-то – деревообрабатывающий, поэтому дров было не счесть.

По зоне мы передвигались свободно – там же все огорожено колючей проволокой, полосы были размечены, на которые нельзя становиться, иначе за попытку к бегству расстреляют.

Вокруг стоял лес. Подальше был поселок, где были другие заключенные, которым разрешено было жить на свободе. Это ведь было время хрущевской «оттепели».

Кормили нельзя сказать, чтобы сытно, но и не голодно. А мне за рацпредложения даже премия была.

Письма домой разрешали писать сколько угодно, но их проверяли. И посылки разрешались. Но что могла моя семья прислать? Жили на заработки одной жены, а она работала библиотекарем.

В лагере в основном сидели политические. Был там один молодой парнишка, Костя. Работал в лагере в том же заводском отделе, что и я, технологом. Его отца посадили. А он знал, что это несправедливо, и ходил, расклеивал листовки, мол, напрасно людей губят... Ему дали 25 лет. Много «западников» сидело – бандеровцев с Западной Украины. Работали грузчиками.

Были и уголовники, но мало. В основном – «бытовики», осужденные за бытовые убийства. Но я с ними в контакт не входил – работал допоздна.

Когда просидел полгода, мне Леонтий Фридман, бывший летчик, посоветовал написать в Верховный суд. Я и написал, чтобы отменили приговор. А через пару недель в лагерь приехала комиссия Президиума Верховного Совета СССР с правом досрочного освобождения. Меня и освободили. Дали справку, что такой-то «освобожден по постановлению комиссии Президиума Верховного Совета СССР от 18 июля 1956 года. Срок снижен до фактически отбытого снятием судимости и поражением в правах».

С этой бумагой я и поехал домой. Приехал, ткнулся в ОКБ – не берут. Я ведь не был реабилитирован. Потом в другие места – не берут. Выручил меня случай: у жены Любы был знакомый по учебному комбинату, Пожман Александр Поликарпович. Он тоже был авиационником, отсидел в свое время и работал в тресте Камлесосплав. Пошел к нему, рассказал о своих бедах. Он позвонил главному инженеру треста, Зотову Николаю Васильевичу, и тот взял меня конструктором.

В это время Хрущев начал разгонять министерства и гнать их на периферию – совнархозы стали создавать. Я стал вхож в наш совнархоз, и опять полез со своими предложениями. Как-то даже по радио выступил: мол, зачем плодить мелкие проектные институты, бюро – нужно создать один. И сразу в редакцию поступило письмо на мой счет:

«Зачем вы слушаете этого? Он же случайный человек». Но на этом дело и закрылось. Потом все-таки оказалось, что я был прав: мелкие конторы были объединены, создан институт, в котором я впоследствии стал работать.

Реабилитировали меня в 1968 году.

НАС РУБИЛИ ПОД КОРЕНЬ, НО МЫ ВЫСТОЯЛИ...

Вспоминает Анатолий Серафимович Баглай

Мой отец еще в конце 20-х годов понял, что будут душить крестьянина-середняка. Он, не будь дурак, взял да и сократил посевы. А тут вышло постановление об уничтожении кулачества как класса. Вот отца и признали вредителем.

Сначала раскулаченных выслали на один год, чтобы без шума отделить от родственников. А потом погрузили в товарняк и отправили на Урал. Нас привезли в Пермь и – на спецпоселение. Все делалось скрытно. Некоторые партии гнали с Верещагино, затем на подводах переправляли в район Гайн. В частности, нашу семью – деда, его жену, двух сыновей и двух дочерей – погрузили в Перми на баржи и вверх по Каме с заходом в Косьву отправили в поселок Сергиевский Гайнского района. До самого Сергиевского гнали на подводах: детей и женщин везли, а мужчины шли пешком.

Вот учетно-посемейная карта, сделанная на отца:

«Баглай Поликарп Климентьевич, 1877 г.р., его жена Евдокия Калистратовна, 1885 г.р.; Баглай Серафим Поликарпович (мой отец), 1912 г.р., его жена Татьяна Парамоновна, 1912 г.р.; Баглай Ольга Поликарповна, 1923, г.р., Баглай Матрена Поликарповна, 1920 г.р., Баглай Николай Поликарпович, 1916 г.р. (сестры и брат моего отца); народились на поселении: Леонид (мой старший брат), 1933 г.р., Анатолий Серафимович, 1936 г.р.».

Выслали их в июле 1931 года, а привезли в Сергиевский осенью 1932 года, уже пошел снег. И началось самое трагическое – выживание.

Отец рассказывал: что было – золотишко, вещи – все поменяли на хлеб. Но начался голод, росли кладбища. А вокруг болота. Поликарп собирает семью и говорит: «Здесь не выдержим, погибнем, нужно скрываться». И дали задание Серафиму, моему будущему отцу: бежать на Украину. Ему тогда было 19 лет. Из всех молодых ребят решились бежать двое – Серафим и его друг Мишка. Идти надо было пешком через тайгу 300 с лишним километров. В лесу заблудились, совсем умирали от голода, но нашелся пермяк, охотник, показал им дорогу. Обычно у охотников другая установка была: встретил беглеца, – выдай его властям, получишь пуд муки, сахар и порох. А этот